

Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве

Проценко Б.Н.

Ростовский государственный университет

Свадебный обряд в духовной культуре донского казачества занимает, пожалуй, центральное положение как по сохранности элементов, так и по объему обрядово-ритуальных действий, состояний, речевых и фольклорных текстов, атрибутов, предметов, действующих лиц и словаря. Как и в любой другой этнической культуре, свадьба на Дону имеет свои хронотопные особенности, продолжая одновременно с ними определённую традицию, точнее, возвращаясь к ней в ходе своей эволюции. Нет ничего исключительного и в том, что свадьба – наиболее популярный обряд среди донских историков, краеведов, этнографов, фольклористов, а теперь – и этнолингвистов. Среди публикаций наиболее значимыми представляются работы В.Д.Сухорукова[1], А.М.Листопадова[2], В.Броневского[3], Н.И.Краснова[4], С.Номикосова[5], А.М.Савельева[6], Е.П.Савельева[7]. Существенно пополняют наше представление о свадебном обряде архивные материалы – рукописи Х.И.Попова[8] и безымянного автора[9]. Расширяют географию сведений об обряде публикации в периодической печати XIX-XX вв. и научных сборниках С.Анашкиной «Свадебная обрядность донецких казаков»[10], А.В.Миртова «Казачья свадьба на хуторах Митякинской станицы»[11], Полякова «Старинная донская свадьба»[12], Я.Реброва «Старочеркасские свадебные обряды»[13] и др. Предварительные итоги изучения обряда подвела в кандидатской диссертации Е.Ф.Критска-Иванова[14], ориентируясь прежде всего на фольклорные тексты обряда. Перечисленные работы в той или иной степени служат основой для современных компилятивных описаний обряда[15].

Большой фактический материал по донскому свадебному обряду, с одной стороны, делает возможным описание его истории на протяжении почти полутысячелетия, с другой – свидетельствует о незавершенности темы, более того, предполагает дальнейшее изучение с целью его этно- и лингво-картографирования. Лишь в этом случае картина приобретет завершенность, а исследователь получит право на окончательные выводы. В рамках объема данной статьи и на основе собранного и далеко еще не полностью обработанного полевого материала предпримем попытку некоего общего обзора донской казачьей свадьбы.

Выделение в восточнославянском свадебном обряде двух его разновидностей (типов): вирилокальной (с подавляющей ролью жениха) и уксорилокальной (с преимущественным положением невесты) свадьбы – и территориальная отнесенность первой разновидности к русскому Северу, а второй – к Белоруссии, Украине и исконным землям юга России делает актуальным вопрос об отнесенности этих дефиниций к казачьему Дону. На наш взгляд, у донских казаков оба типа органично сочетаются, взаимодополняя друг друга и исключая крайности вроде «клетного обряда» у украинцев или похоронных плачей по невесте у севернорусов. Общеупотребительное клише «Я из родительской воли не выйду» касается в равной степени как жениха, так и невесты, причём последняя обладает относительной свободой выбора и даже правом вето на предполагаемую кандидатуру в мужа[16]. Если окинуть взглядом весь обряд, то всё предсвадебье и начало дня свадьбы вплоть до венчания сосредоточено на половине невесты, которая, будучи засватанной, определяет весь ход подготовки к бракосочетанию, отводя жениху пассивную роль: посетить вечеринку у невесты, забрать приданое (постель), терпеливо ждать результатов переговоров дружка со свашкой у закрытых ворот, терпеть капризы продавцов места рядом с невестой в эпизоде сидения на посаде и т.д. И лишь после венца инициатива постепенно переходит к молодому супругу, хотя сама молодуха вплоть до финального эпизода остается в центре внимания участников обряда. Косвенно, но весьма выразительно самостоятельность невесты подтверждает следующий фрагмент рассказа донской казачки о предназначении приданого:

«Вазьмёт он йиё вот такую-ты вот, ф платтицы, он: "Та мне большы нихто ни нужын, мы наживём сабе!" А раньшы этава нет. Восимь падушык, пярину хорошую, две ватных адиялы, чытыри прастины – полностью справить. А сундук – сорок рубашек наладуть туда, вот, надявать на телу. Эта фсё чистачки. А раньше ис сваво сундука год целый пользуисси. А тады ни шматочка в этом дваре ня купять, ни метра. И ни абижаица. Гот прайдёт, тада ани купять ей на зависку, на фартук купять, а ана тада пакланица в ноги, што купили ей на фартук»[17]. Ирония последней фразы – в том же ключе относительной свободы казачки в семейной жизни, что и знаменитая донская кладка, включающая «крытую шелковым или шерстяным матерьем шубу, овчинную нагольную шубу, два платья ситцевых (или одно шерстяное), два платка, колпак и башмаки – новые»; её

родители невесты выговаривают... от родителей жениха к браку»[18]. Эту свободу поведения в предбрачный период и после венца казачка должна была завоевать, доказать полным сосредоточением на семье, муже, детях и доме после свадьбы, самоотверженной жертвенностью во благо рода, занятием того места в казачьем обиходе, которое она сама с печальной иронией обозначает присловьем «я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», Добавляя к нему шутливо-объективное «казак же в доме для красоты». Путь к свободе был очень долог, потому что почти 5 веков назад свадьбу на Дону играли совсем иначе.

Этот обряд «рыцарского» периода истории донского казачества (XVI-XVII вв.) описан едва ли не каждым историком или краеведом: «... Жених и невеста, согласившиеся вступить в супружество, являлись вместе на местную площадь во время народного собрания (т.е. на казачий Круг. – Б.П.). Здесь, помолившись Богу и кланяясь на все стороны, жених называл свою невесту по имени и говорил ей: "Будь ты мне жена", и невеста же, поклонившись жениху в ноги и назвав его по имени, говорила ему: "А ты будь мне мужем". После этого брачующиеся целовали друг друга и принимали от собрания поздравления с вступлением в законный брак, затем торжество оканчивалось пиршеством»[19]. Здесь, в этой редуцированной свадьбе XVI—XVII вв., уже заложены существеннейшие черты донского свадебного обряда. Это, во-первых, общественный характер обряда, особенно ярко подчеркиваемый впоследствии так называемым «свадебным колдуном» (см. об этом ниже). Свадьба совершалась на казачьем Кругу, и им же выносился окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. Во-вторых, патронажная роль мужа-казака, берущего под свою защиту новобрачную. Наглядным доказательством этой роли служит укрытие полою одежды женщины, переходящей от одного мужа к другому: «Прикрытие полою казаки почитали очень важным символом: оно значило снять с отказанной жены бесчестье развода»[20]. Трогательно патронажную роль казака-мужа подчеркивает его фуражка в красном углу вдовьего дома: и после смерти казак заботится о той, с которой получил благословение общины. Наконец, минимальная сакрализация обряда, в котором православие явлено лишь обязательной перед любым делом молитвой. Конечно, в то время церковью на Дону практически не было, а батюшка избирался самими казаками на Кругу из своих же собратьев на определенный срок, после которого он, так сказать, возвращался в строй. Но следует, видимо, согласиться с тем, что благословение брака Кругом было выше Божьего благословения. Дело дошло до того, что в своё время грозный атаман Степан Разин выгнал с Дона попов и велел играть свадьбы «у вербовых дерев»[21], т.е. вернул донскую свадьбу едва ли не к языческой («умыкание невесты у воды») традиции. Религиозное своеволие донских казаков оказалось настолько устойчивым, что главным «ангелом-хранителем» свадебной церемонии даже в конце XVIII – начале XIX в. на Дону считался находящийся перед или подле жениха ведун (сбережатель), которого «дружко обязан был приискать заблаговременно и который не отлучался от жениха до окончания брака, наблюдая, чтобы на порогах и притолках, где ему надлежало проходить, не было чародейства и чтобы в пищу и питьё не примешал кто порчи»[22]. С установлением церковной составляющей свадебного обряда (икона в храбром поезде, венчание-благословение молодых иконой при встрече в доме жениха) ведун стушеввался и постепенно трансформировался в свадебного колдуна. Но обычай оберегания жениха и невесты не только не утратился, но приобрёл самые разнообразные формы: и одевание рыбацкой сети под платье невесты (сейчас этого уже нет), и уголки крестиком на венчальном наряде невесты, и пшено в сапоге жениха, и мак вместе с зерном и хмелем во время обсыпания молодых, и т.д. В этом же ряду и белый платок, за который держатся новобрачные при входе в дом: «Друшко за платошик маладых – фсигда шоп диржались – видеть. Шоп за прыталку аци ни прислонились рукою, а то эти кылдуны, фсе ведьмы – ани фсё загаваривают: на пярिलाх, на энтих (притолоках. – Б.Н.). Он как видеть – а мы ш иё аппёрли – знащить, фсё: уже ты или жыть ни будиш, или сохнуть будиш»[23].

«Рыцарский» свадебный обряд сменяется более развёрнутым в XVIII в., когда после реформ Петра I донские казаки начинают заниматься земледелием и животноводством и вести оседлый образ жизни, что привело к увеличению женской составляющей казачества, численности семьи и т.п. Именно казачка развернула свадебный обряд до тех пределов, в каких он фиксируется донскими историками и краеведами XIX в. – от Сухорукова до Листопадова. Этот обряд становится трехчастным, состоящим из предсвадебья, дня свадьбы и послесвадебья, он насыщается фольклорными песнями, присловьями, включает в себя обязательное венчание, обрастает различными предметами и атрибутами и т.д. Возникает и расширяется свадебный словарь, состоящий, по нашим наблюдениям, из более чем 200 общеупотребительных и диалектических слов и фразеологизмов. Примечательной чертой этого словаря можно считать абсолютное отсутствие в нем слов неславянского происхождения. К середине XIX в. донская свадьба достигает пика в своем развитии. При этом наибольшее сходство она имеет с южнорусским обрядом, отличаясь от последнего многими чертами и особенностями, о причинах которых частично было уже сказано выше. Отличают от русской донскую свадьбу и отдельные элементы, проникшие в обряд от украинцев. Речь идет не о тех запорожцах и сердюках (выходцах из бывшей Северной земли), вместе с русскими и представителями различных восточных этносов положивших начало донскому этногенезу, результатом которого из-за вмешательства в дела Дона российских властей,

превративших казаков в военное сословие, стало образование донского субэтноса, части русских со своеобразными чертами материальной и духовной культуры. На донскую свадьбу повлияли крепостные, которых донские дворяне приобретали в Слободской Украине и переселяли на подаренные им за заслуги пустующие войсковые земли, в результате чего в большой излучине Дона образовались многочисленные украиноязычные анклавные – слободы, поселки и хутора, а на западе и юго-западе Области Войска Донского такими анклавами оказались уже русскоязычные казачьи станицы и хутора. Наиболее интенсивно этот процесс украинского освоения Дона шел с последней трети XVIII в. до середины XIX в. Казаки считали своих соседей уже «чужими», «хохлами», нарочито подчеркивали разницу в языке и быту, но тем не менее усваивали и украинизмы, и элементы обрядов. В свадьбе их достаточно много.

Так, чисто казачий обряд не знает так называемой «антисвадьбы», т.е. разнузданного веселья второго дня с переодеванием, розыгрышами, солеными шутками, валянием в грязи, обливанием гостей и хозяев и тому подобными действиями в честь нечистой силы, коей и посвящена антисвадьба, объективно репрезентирующая часть славянской земледельческой свадьбы с её мотивами почитания предков. И до сих пор в бывших 2-м Донском, Усть-Медведицком и Хоперском округах ОВД обходятся без этого свадебного «излишества», а на остальных казачьих землях Дона антисвадьба воспринимается едва ли не как исконная традиция. В последнее время в некоторых местах замечены даже тачки для катания тещи и других персонажей.

Донской каравай имитирует «мировое древо», представляя собой основу, лежень, изготовленную из сдобного теста, украшенного фигурками и узорами, в которую вставляется пышная ветка плодового дерева, обернутая полосками теста и увешанная лентами, конфетами и т.п. Такой каравай нейтрален по отношению к репродуктивной символике свадебного обряда, что естественно для казаков-воинов (по приоритетности занятий). В бассейне Северского Донца, на Нижнем Дону, в Задонье караваем считается украинская «шишка», сдобный пирог из заостренных палочек теста, связанных также лентой из теста: фаллическая, т.е. прямо относящаяся к идее плодородия, символика такого каравая несомненна, что естественно для украинцев-земледельцев. Иногда можно встретить контаминированный каравай: запеченные в тесте деревянные палочки густо втыкаются в сдобную булку.

Не знали казаки и так называемых быков, т.е. двух связанных друг с другом бутылок спиртного, стоящих нетронутыми перед молодоженами во время свадебного пира. Эти быки пришли к казакам от украинцев, традиционно подкрашивающих горилку как намёк на мистику первой брачной ночи. Иностранность быков на донской свадьбе обнаруживается, в частности, в том, что существует множество вариантов дальнейшего использования этих сосудов: одни продают «огненную воду» гостям по чайной ложке, другие отвечают этим напитком на дары гостей (этот эпизод, так называемый сыр-каравай, во многих ареалах Дона отнесен ко второму дню свадьбы), третьи берегут бутылки до годовщины свадьбы или рождения первого ребенка, и т.д. и т.п.

Вслед за быками казаки стали «забивать чоп», т.е. заканчивать женитьбу последнего сына забиванием в землю деревянного кола, вокруг которого устраивается потеха с шутками, розыгрышами, состязаниями и т.п.

Отметим, наконец, факт контаминации двух традиций – казачьей и украинской – в Задонье, которое было заселено очень поздно, причём в этом процессе на равных участвовали казаки и украинцы, постепенно вытесняя с их родовых земель на восток аборигенов-калмыков. В Зимовниковском районе уже не могут определить, из какой традиции взят тот или иной эпизод: и казаки, и украинцы в свадебный поезд жениха включают так называемую свитылку – девочку с букетом цветов и сам букет. И те и другие поют одну и ту же песню, но казаки вставляют в текст слово печь, а украинцы заменяют его на слово груба – всё остальное совпадает.

Конечно, за полтора века эталонный донской свадебный обряд середины XIX столетия не мог не измениться. Вкратце охарактеризуем эти изменения по всем трем частям обряда.

Предсвадебье некогда состояло из следующих эпизодов:

- сватовство, состоящее из выбора свахи и сватов (института профессиональных свах на Дону не было, а потому в свахи попадали наиболее расторопные и сообразительные казачки из числа родственников жениха); прихода сватов в дом жениха и зачина сватовства (для последнего характерны многочисленные варианты иносказательного объяснения причин появления гостей («телушка заблудилась», «куница спряталась», «гулюшки залетели» и т.д.); смотра невесты с элементами розыгрыша, замены девушки на старуху и т.п.; совета сватов и жениховой родни о достоинствах жениха и невесты и их взаимном согласии; запива (дон. своды,

сводилки, договоры), во время которого соединяли руки будущей четы, накрыв их платком (см. выше), и достигали обоюдного согласия на продолжение обряда, сговора, или рукоблтия, т.е. помолвки, с обязательным зарядом – своеобразной страховкой на случай отказа одной из сторон и пропоем (дон. запоем, пиром), на котором молодые люди официально объявлялись женихом и невестой и обсуждались затраты сторон, объём кладки, последующие действия и пр.; окончания сватовства, о положительном результате которого станичников или хуторян извещали с помощью нескольких песен, распеваемых участниками сговора, расходящимися по домам;

- смотрение места (дон. смотреть печи, гладить стенки, глядеть пепелище и др.) как официальное посещение невестой (еще один признак её свободы в обряде) и её родственниками дома жениха, будущего места обитания, с обязательным элементом общения с домашним пенатом-домовым в форме различных манипуляций с русской печью (выгребание золы, побелка поцарапанных стенок);

- общение жениха и невесты в необрядовой форме, а также на вечеринках, устраиваемых невестой, усиленно готовящей подарки суженому;

- подушки, т.е. перенос приданого в дом жениха с непременно песнями, угощением и эротическими играми с постелью;

- девичник и мальчишник (дон. вечер) с заметно развитым сюжетом девичника (выбор дружки, которой, как правило, становилась самая близкая, тайная, подруга невесты, обыгрывание печальными песнями расставания с девичьей волей, примерка подвенечного наряда и т.п.) и элементарным застольем мальчишника.

Непременной составляющей предсвадебья были обрядовые песни, «стартом» для которых становился сговор. На Дону сложился устойчивый, воспроизводимый практически на всем пространстве ОВД репертуар предсвадебных песен, включающий такие тексты, как «На горе чи дуб, чи береза», «Да у лебеда лебедушка под крылом», «Во садику во земном соловей калину щекочет», «По рукам сваты вдарили, заряды положили» (на сватовстве; в качестве примера песенного обыгрывания обряда здесь и далее мы приводим данные по станице Нижне-Кундрюченской), «Пьяница пропойница», «Да бел заюшка молоденький горностай», «У нас ныне незнакомый побывал» (на сговоре-помолвке), «Месяц дорожку просветил», «Не шушукайте, не гугукайте на нее», «А мы в свата были» (на «подушках»), «Дуброва зеленая» («Дуброва, дубровушка» – для сироты), «Вечер, вечер, вечеришнички», «Свет мой, воля девичья» (на девичнике). Заметим, кстати, что практически ни одна из названных песен не представлена в фольклорном свадебном репертуаре собственно русской традиции[24], что свидетельствует о творческом развитии обряда донскими казаками. Предсвадебье в XX в. редуцируется как в количестве эпизодов, так и в песенном обслуживании. Сватовство практически сводится к однократному посещению сватами дома жениха (в старину оно затягивалось на несколько приемов-пиров), во время которого обсуждался весь комплекс вопросов, связанных с подготовкой к свадьбе, – это стяжение лексически проявляется в семантической разногласии свадебных терминов: в разных станицах одним и тем же словом могут называть самые разные эпизоды сватовства. Естественным следствием этой редукции стало сокращение числа песен, а в некоторых районах – и практически полное исчезновение предсвадебного репертуара.

День свадьбы в донском обряде расписан столь же скрупулёзно, как и предсвадебье, причем сюжет этого дня сохраняется в неизменности даже в современном исполнении ритуала. Этот день начинается с оголашивания невесты, играющей на заре печальные песни о расставании с родными и девичьей волей (сирота оголашивается на могилках родителей), причём этот ритуал представлен на Дону спорадически, потому что содержательно он чаще всего совершается накануне, на девичнике.

Далее последовательно совершаются:

- одевание невесты, с таким архаическим элементом, как стояние на полсти (войлоке) или вывернутой шубе (через них невеста «общается» с предками, надеясь на их благословение), а также с неизменными оберегами (см. выше);

- отъезд храброго поезда жениха за невестой: «На Михайлыу день была свадьба. На Михайлыу день жыних должын ехать за нивестай на лошади з друзьями. У мене шесть щилавек была шахвируу, я сидьмой. Паехали за нею. Линейка или дрошки, пара лашыдей зыприжона у эти дрошки, два развода – пыйижжани, эта усе там – песни, эта мая радня уся – паижжаны называют. Мы на кони пысадились и пыскакали, а на дрошках – там тока сидить друшка и свашка, большы никаво, и куцир»[25]; скачущие к невесте казаки ощущают себя охотниками (в XVII в. гулебщиками называли охотников, а позже гулебные – это гости на свадьбе), преследующими «молодую куницу – красну девицу»;

- сидение на посаде невесты в красном углу в ожидании приезда жениха;
- преодоление препятствий храбрым поездом жениха – наградой за «подвиги» становится его появление вблизи невесты;
- выкуп места – шуточный торг с его хранителями, становящимися после продажи объектом насмешек и укоризненных обличений (см. ниже);
- угощение гостей у невесты и прощание её с домом и родными – насыщенные песнями эпизоды;
- следование храброго поезда к церкви с появлением в этом эпизоде свадебного колдуна (см. ниже) и венчание, проводимое в строгом соответствии с канонами;
- встреча молодых в доме жениха с активным включением в обряд зрителей (дон. глядельщики, смотрельщики), которым достаются не только конфеты, орехи и деньги во время обсыпания, но и кусочки встречника (сдобного хлеба, который разламывают над головой новобрачных);
- свадебный пир и дары (дон. дарёж, сыр-каравай), отличительной чертой которых в давнее время и особенно на свадьбах простых казаков была так называемая зеленая телушка, т.е. отложенный подарок: приплод скота, домашней птицы, который получают молодые после его появления на свет (напомним, что дары могут переноситься на второй день свадьбы);
- обкрутка невесты – замена девичьей прически (две косы) на женскую. Получившийся куль прячут в колпак или фальшонку, по которой всегда можно было определить донскую казачку; отводы в постель, в донской традиции совершаемые деликатно, незаметно, без привлечения внимания пирующих;
- вечерние гости – не везде соблюдаемое приглашение родных невесты на пиршество в дом жениха.

Чуть подробнее коснемся двух моментов.

Свадебный колдун, известный и в русской традиции[26], на донской свадьбе играет весьма специфическую роль. Он появляется (часто даже не физически, а действием) в момент отправления храброго поезда в церковь в том случае, если его забыли пригласить на свадьбу, а это случается потому, что он уже стар, дряхл, живет одиноко на краю хутора или станицы, не является родственником. Наказания за пренебрежительное отношение к станичнику самые разнообразные: с брочки слетают колеса; лошади вмиг оказываются на свободе, или встают на дыбы, или разворачиваются мордами к брочке, или не трогаются с места; молодые и их гости неожиданно начинают скорбеть животами, или обращаются в соляные столбы, или испытывают непереносимую головную боль; свадебный кортеж кажется охваченным огнем, и т.д. и т.п. Цель всех этих «безобразий» – напомнить хозяевам свадьбы, что этот обряд искони носит общественно значимый характер, что создаваемая семья непременно должна получить одобрение всего социума. И именно эта роль подчеркнута тем обстоятельством, что после принесения сватами извинений, угощения и приглашения на свадьбу колдун отправляет процессию в путь словами: «Езжайте с Богом». Связь свадебного колдуна с нечистой силой призрачна, условна, если никто не реагирует на его «шутки», он может сам пострадать от этого, да и его чары иногда находят естественное объяснение: лошади не двигаются с места, потому что перила моста смазаны волчьим жиром и т.п. Колдун продолжает роль ведуна (см. выше), оберегая не участников обряда, а высший его смысл – создание ячейки общества, введение в социум новых членов, призванных продолжить жизнь рода в тех нравственных и этических нормах, которые завещаны были предками, казаками-«рыцарями» XVI—XVII вв.[27].

Песенный репертуар дня свадьбы просто необозрим: опеваются едва ли не каждый эпизод. Многие из этих эпизодов обрамляются песнями, обычно короткими по размеру, но по смыслу напрямую соотносимыми с происходящим. День свадьбы обыгрывается, как правило, небольшой группой песенниц, мастериц своего дела, досконально знающих ход обряда и зачастую определяющих его ритм. Своё место в песенном наполнении свадьбы занимают так называемые корильные песни, малоизученный жанр русского обрядового фольклора, что «объясняется тем, что корильные песни записывались не так часто»[28]. Первым адресатом укоров становится отец невесты еще на сватовстве, на пиру, закрепляющем договоренности о создании новой семьи:

Да пайдёмте па улицы,

Да пайдёмте па шырокай,

Да двара да минуючи,
Да два двара да минуючи,
Да ф треттим паслухаим
Да што люди гаворють,
Маво батиньку порють:
- Да пьяница, да прапойница.
Да пропил да он Настюшку
Ни за мёт, ни за чару -
Да за умнаю пару.
Да он любачка ходя,
Да манежна гаворя,
Да он тиха ступая,
Да Настюшкой называя»[29].

(Мы привели пространный текст «жалобной» невестинной песни, в которую включена корильная часть, что свидетельствует о популярности этого мотива; е с т ь и записи самостоятельного текста подобного содержания).

Далее под огонь критики попадают подушечницы, оставившие приданое в доме жениха:

Подрушка наша да Настюшка,
Пьяницы тваи падрушки:
Прапили тваи падушки,
Здали Ванюшки на паручки[30].

В день свадьбы «достаётся» от песенниц, выступающих в роли ведущих и одновременно критиков обряда:

- брату невесты , продающему место для жениха рядом с сестрой:

Ты, братиц-татарин,
Ты, братиц-татарин,
Систру прыматарил
За два залатова[31].

(во всех вариантах этой корильной песни обыгрывается оппозиция «свой-чужой»: «свой» братец превращается в «чужого» татарина, как только получает выкуп);

- свахе:

Наша сваха рохля,
Под печкой издохла.
Друшко заглядаить -

Качиргой выгрибаить.

- дружку:

Табе, друшко, да ни друшкавати -

Тольки варавати

Ва горади вайиводаю

Са харошаю пагодаю[32].

Общей чертой свадебных корильных песен на Дону можно считать нарочитую нелепость, абсурдность обвинений в адрес того или иного участника обряда, что свидетельствует не только об игровой природе тех или иных эпизодов обряда, но и об иронии и самоиронии – характерных чертах психологии донских казаков.

Послесвадебье в донской свадьбе калейдоскопично в том смысле, что не имеет выверенного, охватывающего весь Дон сценария: кое-где ещё сохранилось варёное, т.е. угощение молодым на утро после свадьбы, присылаемое тещей; где-то практикуют отводы, т.е. продолжение свадьбы в доме невесты, курей, т.е. складчину, собираемую участниками свадьбы для продолжения веселья. Выражение бить горшки в одних станицах понимают как обряд благодарения женихом тещи, сохранившей дочь в невинности: уложив тещу на лавку, молодой муж меняет ей старые туфли на новые, а затем разбивает на её животе глиняный горшок, что символизирует окончательный уход дочери от отца-матери; в других станицах – как испытание ловкости и домовитости молодая, заматающей веником разбитые на подворье гостями горшки. Не везде играют антисвадьбу (см. выше). Конечный эпизод свадьбы также обозначают по-разному: и бить горшки, и завивать (заливать) овны, и заливать пожар, и хоронить концы, и даже странно и непонятно – сосать гвоздок. Тем не менее есть один устойчивый, общедонской эпизод послесвадебья, связанный с невинностью невесты. Он устанавливается относительно поздно, в пору развертывания «рыцарской» свадьбы в трёхчастный обряд, но в XIX и даже XX в. соблюдается весьма строго. Невинность невесты отмечают повсеместно одинаковым образом: по станице или хутору носят калину – флаг с кистями калины (эта ягода может украшать и каравай), выражают всеобщую радость обильным возлиянием, песнями, славящими мать и дочь:

Ты не бойся, матушка, не бойся,

В червоны чоботы обуйся;

Да хоть наша Марфушка молода,

Да вывела матушку со стыда[33].

Наказанию же за то, что невеста не соблюла себя, подвергаются и она, и её мать. Если отбросить редкие крайности (невесту возвращают родителям, на тещу надевают хомут), то надо признать, что отношение казаков к невинности («порочности») невесты в целом довольно снисходительное, что проявляется не только в широко практикуемой подмене дефлоральной крови воробьиной или петушиной, но и в лёгкости наказания. На Верхнем Дону в этом случае используют худую ведёрку: свекровь просит невестку принести из Дона воды, вручая ей ведро с дыркой.

Ещё одним общим элементом можно считать участие огня в заключительном эпизоде свадебного обряда, очистительная символика которого не подлежит сомнению.

XX век внёс свои коррективы в обряд. Прежде всего, усилилась экономическая сторона свадьбы (дошло до того, что ныне смотрельщикам продают кусочки встречника, что уродливо с точки зрения традиции), сокращен репертуар фольклорных текстов, ведущие традиционного обряда – друшко (он же – тысяцкий, старший боярин, сват) и свашка – становятся простыми шаферами, а распорядителем становится ведущий,

специально готовящий сценарий свадьбы с массой игровых, но не обрядовых действий, усиливаются локальные варианты обряда, закреплённые казусом, прецедентом («а у нас так принято»). И всё же донская свадьба сохраняет главные традиции, о чём мы и попытались рассказать в данной статье.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 1, 2003 г.

Библиографический список

- [1] Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного, изданная А.Корниловичем. СПб., 1824.
- [2] Листопадов А. М. Старинная казачья свадьба на Дону. Ростов н/Д, 1947.
- [3] Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834. Ч. III.
- [4] Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского// Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генштаба: В 6 т. СПб., 1864. Т. IV.
- [5] Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. В 5 т. Новочеркасск, 1884. Т. I.
- [6] Савельев А. М. Донские песни. Новочеркасск, 1867.
- [7] Савельев Е.П. История казачества (Историческое исследование). Новочеркасск, 1916. Ч. III.
- [8] Свадебные обряды. Неоконченная рукопись Х.И. Попова // ГАРО, ф. 55, оп. 1, Д. 44.
- [9] Свадебные обряды станицы Нижне-Кундрюченской // ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 43.
- [10] Анашкина С. Свадебная обрядность донецких казаков // Традиционное и современное народное музыкальное искусство. М., 1976.
- [11] Миртов А.В. Казачья свадьба на хуторах Митякинской станицы // Педагогическая мысль. Ростов н/Д, 1918. № 8.
- [12] Поляков. Старинная донская свадьба // Донские областные ведомости. 1875. №22.
- [13] Ребров Я. Старочеркасские свадебные обряды // Донская газета. 1875. № 30.
- [14] Критска-Иванова Е.Ф. Свадебный обряд и свадебный фольклор донских казаков: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1978.
- [15] См: Новак Л., Фрадкина Н. Как у нас-то было на Тихом Дону: Историко-этнографический очерк. Ростов н/Д: Ростиздат, 1985; и др.
- [16] Именно так ведут себя в предсвадебье шолоховские героини: Аксинье Степан «понравился», а потому и стала возможной их свадьба; Наталья угрожает родным уходом в Усть-Медведицкий монастырь, если они не отдадут её Григорию; Дуняша упрямо преодолевает застарелую ненависть Ильиничны к Мишке Кошевому и, по существу, женит его на себе, играя главную роль в обряде.
- [17] Назарова Вера Игнатьевна, 1915 г. р., урож. х. Вертячий Мешковской станицы (магнитофонная запись из архива автора, далее – Архив Б.П.).
- [18] Свадебные обряды... Л. 2-2 об. Состав кладки мог варьироваться в зависимости от достатка казака и даже места жительства (на богатом Нижнем Дону в кладку могли входить табун лошадей или отара овец, а бедноватые верхнедонцы обходились всего лишь несколькими предметами), но неизменной составляющей этого донского калыма была донская шуба, которой обычно и открывался список жениховых даров.
- [19] Донская епархия и десятилетие управления ею архиепископа Платона // Донские епархиальные ведомости. 1887. № 5. С. 157. Таким же простым был и развод: «Муж, введя свою жену в собрание народа, говорил: "Атаманы-молодцы, она была мне услужливая и верная, теперь она мне не жена, а я ей не муж". Освобожденную таким образом женщину мог взять в замужество кто-либо другой и здесь же, причем таковой обыкновенно прикрывал ее полою своего платья, а затем говорил... слова брачного сочетания (остаток этих форм брачного сочетания и развода можно видеть и в наши дни у некоторых донских старообрядцев)» (Там же. С. 157-158). Брак и развод XVI—XVII вв., на наш взгляд, служат замечательным указанием на донской этногенез, проходивший в этот период в условиях разрыва культурной традиции, что потребовало формирования новой, маскулинной по сути (казак в то время – воин) духовной культуры, разительно отличающейся от традиционной славянской земледельческой свадьбы и других обрядов и обычаев славян.

[20] Броневский В. Указ. соч. С. 124. Старые дончаки рассказывают, что, возвращаясь домой со службы или войны, казаки запасались большими белыми платками, которыми покрывали головы жён, согрешивших во время разлуки и прильнувших к сапогам сидящих на конях мужей в ожидании справедливого суда: этот жест означал, что грех «потопан и забыт» (есть такая формула в донское словаре), и отныне всякий, кто о нём помянет, будет иметь дело с мужем.

[21] Так записано в допросных листах Фрола Минаева после разгрома восстания. См.; Ригельман А. История, или повествование, о донских казаках. М., 1848. С. 61.

[22] Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 325. В. Броневский добавляет к этому, что ведун «избирался из так называемых колдунов... В должность сию старались сыскать упыря, рожденного от ведьмы, которого простой народ по суеверию своему почитает добрым гением; пред мудростью которого все волшебницы и колдуны смиряются и в присутствии коего никакого зла сделать не могут» (Броневский В. Указ. соч. С. 207).

[23] Чумаков Н.И., 1909 г. р., ст. Владимирская (Архив Б.П.).

[24] См.: Русская свадьба: В 2 т. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2000.

[25] Галушкин В.Д., 1909 г.р., ст. Семикаракорская (Архив Б.П.).

[26] См.: Левкиевская Е.Е. Колдун // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528-534.

[27] Подробнее об этом персонаже см.: Проценко Б.Н. Донской свадебный колдун: образ, действия, функции, значение // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. консерватории им. С.В.Рахманинова, 2000. С. 235-245.

[28] Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М.: Высшая школа, 1982. С. 97.

[29] Песня записана фольклорным коллективом «Сторонушка донская» (г.Волгодонск) в г. Каменск-Шахтинском у сестёр Ковалёвых.

[30] Хутор Александровский Морозовского р-на (запись «Сторонушки донской»).

[31] Яковлева Е.А., 1912 г. р., урож. ст. Мелиховской Усть-Донецкого р-на (Архив Б.П.).

[32] Оба текста записаны в х. Александровском Морозовского района.

[33] Броневский В. Указ. соч. С. 211.